

(Со)знание как инструмент «устроения миров»: мультидисциплинарная перспектива

Денис Подвойский

Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Российского университета дружбы народов
Ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация 117198
E-mail: dpodvoiski@yandex.ru

Проблематика знания и сознания является мультидисциплинарной. В истории наук о человеке она традиционно разделялась между различными научными и, шире, интеллектуальными «цеховыми» сообществами. В философии, социологии, психологии, биологии, науках о языке и коммуникации etc. разрабатывались (порой независимо друг от друга) многочисленные подходы к изучению данного, весьма обширного, тематического поля, обладающие тем не менее рядом сходств. Конструктивизм — своего рода условный «зонтичный термин», объединяющий целую группу «субъектоцентричных» теорий, дающих определенный «парадигмально очерченный» ответ на вопрос о функции (со)знания в его отношении к миру. С точки зрения конструктивизма субъективный инструментальный знаний и сознания используется людьми для «создания» и «когнитивно-практического освоения» окружающего их природного и социального универсума (или «множественных» миров опыта). В статье предпринята попытка анализа теоретических предпосылок и генезиса конструктивизма как особой мультидисциплинарной программы социальных и гуманитарных наук, концептуализирующей идею об активной роли индивидуального и/или коллективного сознания в процессе образования повседневных и научных «картин мира», определяющих в значительной мере направление действий социальных акторов. Охарактеризованы «осевые» линии аргументации и своеобразия некоторых концепций конструктивистского толка, а также выявлена степень их изоморфизма и потенциальной комплементарности. Среди прочего внимание сосредоточено на конструктивистских мотивах ряда концепций, получивших известность в истории философской и научной мысли XX столетия (неокантианство, конвенционализм в философии и методологии науки, плюралистическая концепция «создания миров» Н. Гудмена, теория аутопойетических систем У. Матураны и Ф. Варелы, психология когнитивных процессов, в том числе теория личностных конструктов Дж. Келли и теория категоризации Дж. Брунера, и др.).

Ключевые слова: конструктивизм, «создание миров», эпистемология, «субъектоцентричные» философии, неокантианство, конвенционализм, когнитивная психология, процессы категоризации, социология знания

Мы делаем звезды, как мы делаем созвездия, складывая их части вместе и отмечая их границы. Короче говоря, мы не делаем звезды, как мы делаем кирпичи; не всякое созидание требует месить глину. Создание миров... производится не руками, а умами, или скорее языками или другими символическими системами.

Нельсон Гудмен. «О создании звезд»

Субъект в царстве опыта: маленький демиург с большими амбициями

Проблемы знания и сознания¹ находятся в самой сердцевине обширного предметного поля наук о человеке. Историю «гуманитарно-гуманистического» дискурса в европейской мысли условно открывает Сократ, после которого греческая философия, расширяя свои границы, перестает быть по преимуществу космологией и становится также антропологией. Тогда же другой возмутитель интеллектуального спокойствия — Протагор озвучил свой знаменитый, весьма провокативный даже по афинским меркам тезис: человек есть мера всех вещей. Продвинутому уму уже на заре истории идей станет ясно, что пути познания мира пролегают через познание человеком самого себя, а тайна макрокосма хотя бы отчасти сокрыта в микрокосме. Апофеозом такого подхода станет впоследствии декартовское *ego cogito*, а еще через несколько столетий продолжающий данную традицию Э. Гуссерль завершит свои «Картезианские размышления» августиновским «*noni foras ire, in te redi, in interiore homine habitat veritas*» («Не стремись к внешнему, возвратись в себя, во внутреннем человеке обитает истина») (Гуссерль, 1998: 292). Немного грубовато, но зато рельефно можно выразить близкую по сути мысль: чтобы понять, как устроен мир, мы должны сперва понять, как устроено человеческое сознание (включая и аппарат чувственного восприятия), потому что мир дается нам и познается нами через посредство и при помощи сознания (и чувств), и никак иначе.

Активного носителя сознания и знаний, а также в ряде случаев интенционального, осмысленного и целенаправленного действия (в том числе практического) философия будет величать «субъектом», хотя этот «почетный» статус не всегда будет распространяться на простого человека, например, решившего в один прекрасный момент встать со стула, побриться и сходить в магазин за покупками.

Провозглашенная И. Кантом «коперниканская революция» в философии поставила субъекта в центр, сделала его «солнцем», отодвинув мир на периферию. Разум выстраивает миры по правилам, заключенным в нем самом; эти правила

1. Словесный конструкт «(со)знание», фигурирующий в названии статьи, не претендует здесь на дополнительные аллюзии, в том числе отсылающие к социальному измерению ментально-когнитивных процессов (со-знание, со/знание, общее или коллективное сознание, знания, разделяемые с другими, и т. п.), но представляет собой лишь искусственное объединение двух обширных — пересекающихся, но не тождественных — семантических множеств, маркируемых понятиями «знание» и «сознание» ((со)знание = знание + сознание).

не произвольны и не случайны, они универсальны, обладают свойствами необходимости и всеобщности²; они имманентны, заданы субъекту его когнитивной организацией, а не почерпнуты из внешнего источника. Пространство и время, причинность, нравственный закон, красота (та, про которую немцы говорят, что она «в глазу смотрящего») берутся не из мира. Их продуцирует сознание в его специфическом *отношении* к миру. Они суть способы организации опыта, средства упорядочения его бесконечного, экстенсивного разнообразия. Так Кант — легко и непринужденно — занимает одно из почетных мест в иконостасе современного конструктивизма.

Форм «субъектоцентричных» философий и связанных с ними школ и направлений гуманитарных наук минувший XX век произвел великое множество. Всех их с известной долей условности можно именовать «конструктивистскими», если не придавать этой номинации узко доктринального или (открыто и оттеночно) негативно коннотированного значения³. В извечном споре со своими противниками — «реалистами-объективистами» субъективисты используют один трудноотводимый аргумент: мир сам по себе, как таковой никогда не дан нам непосредственно, но всегда лишь нашему сознанию и органам чувств⁴, и то, что мы знаем о нем, мы знаем благодаря специфической организации нашего более или менее изолированного когнитивного аппарата, за пределы которого выйти невозможно. Таким образом, онтологический статус внешнего мира и его «объективных» свойств всегда остается под вопросом (при этом сам факт его существования нет необходимости категорически отрицать). А субъект, оперирующий данными опыта и вооруженный арсеналом разнообразных естественных и искусственных когнитивных средств — от устройства глаза, слухового канала, барабанной перепонки, сенсорики кожных покровов до способностей к классификации и анализу, логическому и математическому выводу... от увеличительного стекла до индикатора радиационного фона... — кажется величиной более определенной.

В своих суждениях о «действительных» свойствах вещей и событий человек (в том числе убежденный «объективист», сторонник концепции отражения и корреспондентской теории истины) всегда остается заложником собственных «субъективных» (не обязательно сугубо индивидуальных, и не обязательно эксплицитных) структур мироориентации. Нельсон Гудмен формулирует законный вопрос к фундаменталистскому взгляду, основанному на вере, что единственным источником достоверных знаний о мире является сама «объективная» реальность: «Если я спрашиваю о мире, вы можете предложить мне рассказать, каков он в од-

2. Так, во всяком случае, думал Кант.

3. Например, признанный авторитет среди поклонников социального конструктивизма Томас Лукман в одном из интервью выступал резко против квалификации собственных взглядов, а также взглядов своего учителя А. Шюца как конструктивистских (Здравомыслова, Лукман, 2002: 7–8).

4. В деле освоения мира сознанию и органам чувств могут помогать, причем довольно существенно, их рукотворные дополнения и усилители — аппаратура, приборы, компьютеры и т. п., что, однако, принципиальным образом ситуации не меняет, так как фундаментальная привязанность акта познания к субъекту сохраняется.

ной или во многих системах координат; но если я настаиваю, чтобы вы сообщили мне, каким он является вне всех систем координат, то что вы можете сказать? Что бы мы ни описывали, мы всегда связаны способами описания» (Гудмен, 2001: 119–120).

Субъектоцентричные философии традиционно обвинялись их противниками в онтологическом солипсизме и эпистемологическом и/или (что еще хуже) этическом релятивизме. Но подобные упреки скорее отражали эмоциональную реакцию растерянного, обескураженного сознания, не желающего оставаться без реальности, без твердой почвы под ногами и надежных знаний о мире: если знания являются «человекозависимыми», то, мол, грош им цена! Однако опасения были по большей части напрасными. Настоящий солипсизм предполагает признание действительно существующим лишь отдельно взятого индивидуального сознания, но такая концепция едва ли могла бы объяснить многое в мире культурной жизни. Язык, наука, религия, искусство, идеология создаются не субъектом, но субъектами, в их взаимодействии, по традиции или вопреки ей, но всегда в некоторой связи с тем, что уже было сделано *до нас*. Т.е. возводимые человеком мироконструкции никогда не строятся «на пустом месте». «В любом случае мы начинаем с некоторой прежней версии или с некоторого прежнего мира, который находится у нас под рукой» (Гудмен, 2001: 212).

Что же касается релятивизма, то и здесь дело обстоит не столь уж удручающе для тех, кто склонен опасаться за прочность основ мироздания. Лишь манифестации самых крайних версий конструктивистской установки мысли, идейно родственных постмодернистской стратегии деконструкции⁵, звучат откровенно вызывающе, как, например, фейерабендовское *anything goes* («все дозволено, все сойдет, все сгодится») (Фейерабенд, 1986). Скажем, Гудмен, характеризующий свою позицию как «релятивизм со строгими ограничениями», замечает:

5. Конструктивизм и деконструктивизм условно объединяет лишь признание того факта, что все или почти все в мире людей является «конструктом», продуктом человеческой активности, «искусственным» творением. Однако из этого вовсе не следует, что конструкции надо непременно разрушать. Деконструктивизм обычно деструктивен, а конструктивизм — не обязательно. Это различие ориентаций точно подметил Б. Латур: «Отношение „конструкции“ к „деконструкции“ выглядит... как экологическое отношение добычи к хищнику. Произнесите слово „конструкция“, и вместо того, чтобы подумать, какие имеются средства и ресурсы для сохранения или реставрации постройки. Злой Волчище сразу зачавкает деконструктивистской пастью в страстном предвкушении. Дело в том, что сторонники критицизма разделяют со своими жестокими врагами, фундаменталистами, как минимум одну общую предпосылку: они тоже полагают, что если нечто создано, это само по себе является доказательством такой его неполноценности, что его следует деконструировать до тех пор, пока не будет достигнут удобный им идеал, а именно то, к чему вообще не приложены человеческие руки» (Латур, 2006: 384). Конструктивизм не таков, напротив, его усилия часто направлены на «сохранение и поддержание хрупких жилищ» (Там же: 386–387).

Вместе с тем очевидно, что «массовые злоупотребления» конструктивистской аргументацией в публично-интеллектуальной среде второй половины XX — начала XXI в. привели к частичной компрометации самого понятийного маркера «конструктивизма», что также провоцировало его серьезную и во многом обоснованную критику. Один из наиболее известных образцов такой критики представлен в книге канадского философа Яна Хакинга «Социальное конструирование чего?» (Hacking, 2003).

Готовность принимать бесчисленные альтернативные истинные и правильные версии миров означает не то, что все возможно, что небывлицы так же хороши, как быть, что истина больше не отличается от лжи, но только то, что истина должна пониматься иначе, нежели соответствие некоему готовому миру. Хотя мы делаем миры, делая их версии, все же складывая символы наугад, мы преуспеем в создании мира не в большей степени, чем плотник, который делает стул, произвольно скрепляя куски дерева. (Гудмен, 2001: 209)

Или, иначе и короче говоря, «признание множественных альтернативных мировых версий не означает политики *laissez-faire*» (Там же: 222).

Вовлеченное в «общее дело» сознание выстраивает миры с усердием и методичностью социального насекомого. Мягкий материал, используемый в процессе строительства, как слюна термитов, смешанная с землей и песком, быстро застывает. Надежность постройки обеспечивается не только тем фактом, что строительство носит *коллективный* характер, но и тем, что оно осуществляется *по правилам*, которые не могут быть просто так отброшены или проигнорированы. Степень свободы действия всегда существует, но никогда не является безграничной. Собственно социологическая тема в многоголосии конструктивистского дискурса⁶ начинает звучать, становясь различной, когда приходит понимание того, что люди конструируют миры не поодиночке, каждый наедине с самим собой, а сообща, не из ничего, а с опорой на усилия предшествующих поколений, в преемственной исторической перспективе.

Создание миров — игра по правилам

Процедуру создания миров можно условно описать при помощи витгенштейновской идеи «языковых игр», столь полюбившейся интеллектуалам второй половины XX века (Витгенштейн, 2010; Волков, Хархордин, 2008). Игры бывают разные. Наука и искусство — это разные игры, их нельзя конвертировать друг в друга, так как они держатся на разных ценностно-смысловых основаниях⁷. В строительстве могут использоваться одни и те же или *как бы* одни и те же компоненты-ингредиенты (хотя и использоваться в разных своих качествах и с применением альтернативных «технологий»). Картинки реальности в результате также будут получаться неодинаковыми: «в Птолемеевой системе Земля всегда покоится», в системе Коперника-Кеплера вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси, а в «системе Стравинского—Фокина... танцует партию Петрушки» (Гудмен, 2001: 226–227).

Внутри больших игровых универсумов играют более частные игры. Игры физиков отличаются от игр литературоведов. То же — в искусстве: «Композиция, которая неправильна в мире Рафаэля, может быть правильной в мире Сера, подобно тому, как описание движения бортпроводницы, которое является непра-

6. См., напр., обзорные работы: Коркюф, 2002; Burt, 2003; Lock, Strong, 2010.

7. Хотя история идей, и не только на новейшей стадии, свидетельствует, что, по-видимому, возможны и игры «контаминированного» типа, в стиле mix или fusion.

вильным с контрольной вышки, может быть правильным с пассажирского кресла»; причем «такая относительность не должна быть принята за субъективность⁸ ни в одном из этих случаев...» (Гудмен, 2001: 255).

Сколько игр — столько миров. Но у каждой языковой игры есть правила. Иногда они четко обозначены, иногда просто подразумеваются. Но чисто приватного языка, как и сугубо индивидуальных игр, не существует, а на страже правил как общего достояния стоит коллектив. В шахматах можно начинать партию защитой Филадельфии или королевским гамбитом, но пешки, кони и прочие фигуры передвигаются по полю вполне определенным образом и никак иначе. Если в преферансе вы играете шесть пик, то оба ваших партнера должны играть «стоя», «в закрытую», т. е. вистовать. Вы можете писать по-французски, как Рабле, Мольер, Бальзак, Пруст или Камю, петь, как Ив Монтан или Джо Дассен, но ударение при произношении фраз здесь всегда будет окситональным — на последний слог последнего слова фонетического ряда. Индивидуальный произвол в любой игре всегда ограничен, поскольку игра — дело серьезное, и вместе с тем коллективное предприятие. Нарушающих правила обычно наказывают или выводят из игры.

Идея, что реальность может представлять в совершенно разных цветах и красках, или даже сильнее, — просто быть организованной по-разному, в зависимости от установки сознания субъекта, косвенным образом уже содержалась в кантовской методологической программе. Три кантовских «Критики» дают три разных взгляда на мир, или, быть может, даже три разных мира — чистый разум (науку), практический разум (мораль) и суждения эстетического вкуса (фундирующие искусство). Собственно, из этого различия вырастает суровая сентенция М. Вебера, что истина не всегда сочетается с добром, добро с красотой, а красота с истиной. В этом же корень его концепции ценностного политеизма и метафоры «войны богов», развертываемых в «Науке как призвании и профессии» (Вебер, 1990). Пути крутящегося дервиша и борца за веру под зеленым знаменем Пророка, монаха-бикшу и брахмана, благочестиво почитающего традиции и предков последователя конфуцианства и галилейского рыбака, оставляющего дом и семью, рвущего все мирские связи во имя обретения милости мира нездешнего, созерцательного «мистика» и деятельного «аскета»... прочерчены в разных культурных измерениях, и среди этих путей нет «объективно» правильного или искаженного. Каждый служит «своим богам» и обосновывает преимущества собственной жизненной стратегии особым образом (главное — чтобы самого себя убеждало!).

Вполне отчетливой конструктивистская интенция мысли становится в неокантовстве. На мир, — говорят «баденцы» Г. Риккерт и В. Виндельбанд, — можно смотреть через разные очки, используя разные «способы образования понятий». Когда мы смотрим на него номотетически (стремясь узреть в нем черты законосообразности), мы получаем «природу», когда взираем идиографически (пытаясь

8. Под «субъективностью» в данном отрывке подразумевается «произвольность», «случайность», «бесконтрольность» мысли или действия.

сосредоточиться на уникальном и неповторимом), получаем «историю» (Риккерт, 1997, 1998).

Э. Кассирер на место кантовских априорных форм чувственности и категорий рассудка ставит символические формы, конституирующие в человеческом сознании различные «миры». При этом стартовая позиция рассуждений с адресацией к Канту проговаривается достаточно четко: «„Революция в образе мышления“, произведенная Кантом... началась с идеи радикального изменения общепринятого отношения познания к своему предмету. Вместо того чтобы исходить из предмета как из чего-то известного и данного, следует, наоборот, начинать с закона познания как на самом деле единственно доступного и первично достоверного...» (Кассирер, 2001: 15).

Согласно Кассиреру, миф, религия, искусство, наука

живут в самобытных образных мирах, где эмпирически данное *не столько отражается, сколько порождается* [курсив наш. — Д. П.] по определенному принципу. Все они создают свои особые символические формы... Каждая из этих форм несводима к другой и невыводима из другой, ибо каждая из них есть конкретный способ духовного воззрения: в нем и благодаря ему конституируется своя особая сторона «действительности»... Познание, язык, миф, искусство — все они не просто зеркала, отражающие... бытие, внешнее или внутреннее, таким, какое оно есть; они — не индифферентные опосредования, а скорее источники света, условия видения и начала всякого формообразования... Каждая из этих смысловых взаимосвязей — язык, научное познание, искусство и миф — обладает собственным конститутивным принципом, который накладывает на все виды формообразования свою особую печать. (Кассирер, 2001: 15, 28, 32)

Будучи противником сенсуализма и ассоцианизма и солидаризуясь, скорее, с гештальтпсихологией, Кассирер полагает, что представления о мире, чувственно воспринимаемых данных не собираются в конечном счете исключительно из конкретных элементарных частиц впечатлений, но вписываются в «априорные» системы, комплексы символических формообразующих структур, без которых все рассыпалось бы в сознании.

Хорошо известно, что с начала XX века версии всевозможных «идеализмов» стали исподволь проникать в методологию естественных наук⁹. Наивное представление о работе естествоиспытателя, (будто бы) ориентированной на поиск и обнаружение закономерностей, заключенных в самой «объективной» реальности природного мира, было отчасти подорвано. Тот же Кассирер, характеризуя особенности когнитивных практик точных наук и ссылаясь попутно (видимо, для большей убедительности) на высказывания Г. Герца, отмечает:

9. Что особенно возмущало «стойких защитников научно-материалистического мировоззрения» вроде В. И. Ленина (см. его «Материализм и эмпириокритицизм»).

Предмет нельзя полагать в качестве простого «бытия в себе» независимо от существенных категорий естествознания — он может быть представлен только в этих категориях, конституирующих его собственную форму... При таком критическом подходе наука расстается с надеждой и претензией на «непосредственное» восприятие и воспроизведение действительности... Понятия, которыми... оперирует [физик. — Д. П.], — пространства и времени, массы и силы, материальной точки и энергии, атома или эфира — это свободные «призрачные образы», конструируемые познанием, чтобы овладеть чувственным опытом и обозреть его как закономерно упорядоченный мир, однако в непосредственных чувственных данных нет ничего, что бы им соответствовало. (Кассирер, 2001: 13, 21)

Сходные суждения, также подкрепляемые «авторитетными именами», находим у Дж. Брунера:

Вселенная — это множество перспектив, построенных учеными для того, чтобы понять — и по мере возможности сделать предсказуемыми — совокупности наблюдений. Всякий, кто знаком с «Описанием мира Резерфорда» по лекциям Р. Оппенгеймера или рассказом М. Вертгеймера о его беседах с Эйнштейном по поводу специальной и общей теории относительности, не может не поразиться, насколько в современной теоретической физике господствуют представления о конструктивном и существенно субъективном характере научной деятельности. (Брунер, 1977: 235)

Конструктивистская идея о том, что наука в действительности занимается не столько открытием, сколько изобретением научных фактов, не является детищем антисциентистского критицизма постмодернистской эпохи. Она гораздо старше и содержится в достаточно зрелой форме уже в конвенционалистских теориях, например, у А. Пуанкаре, Р. Карнапа и К. Айдукевича (Пуанкаре, 1990; Карнап, 1959; Ajdukiewicz, 1978; Айдукевич, 1996). Конвенционализм не пытался «вывести науку на чистую воду» или разоблачить миф о стерильности и безупречности научного мышления как эталона познавательной деятельности. Конвенционализм, в отличие от постмодернистского деконструктивизма, скорее симпатизирует науке. Демонстрируя «субъектозависимость» в работе ученого, он лишь стремился к описанию того, как на самом деле совершается процесс научного исследования, и умеряет пыл и амбиции наивного сциентистского объективизма.

Принцип так называемого «радикального конвенционализма» гласит:

Суждения, которые мы принимаем и которые образуют картину мира, не определяются однозначно данными опыта, но зависят от выбора понятийного аппарата, с помощью которого мы интерпретируем эти данные... Опытные данные не навязывают нам абсолютным образом никакого артикулированного суждения. [Они] вынуждают нас признать некоторые суждения, если мы находимся в рамках данного понятийного аппарата, но если мы изменим этот понятийный аппарат, то можем, несмотря на наличие одних и тех же опытных данных, воздержаться от признания тех же суждений... (Айдукевич, 1996: 231, 238)

Иначе говоря, «наука не приходит к своим утверждениям в результате простой регистрации опыта, но творит из сырого материала опыта „факты науки“ путем их языково-понятийной обработки» (Айдукевич, 1996: 251–252).

Конвенционализм предъявляет к научному знанию приблизительно такие же требования, какие прагматизм, инструментализм и эволюционная эпистемология предъявляют к знанию как таковому (включая обыденное мышление). Вопрос о том, соответствуют ли положения и выводы научной теории какой-то реальности, может быть снят как непринципиальный или метафизический. Теории никогда не выводятся непосредственно из опыта, главное, чтобы они были достаточно эвристичны, чтобы успешно объяснять его. Теория должна быть по возможности проста и «изящна», понятна, «удобна в употреблении», логически непротиворечива, пригодна к потенциальному практическому применению и эффективна в своих предсказаниях. Если все это есть, с ней можно работать. И теорий, удовлетворяющих указанному ряду условий, может быть несколько, или даже много, и если они направлены на объяснение одной и той же группы фактов, они будут конкурировать между собой или стремиться к поглощению конкурента. Теории, предлагающие «плохо работающие» модели объяснения, естественным образом выбраковываются.

В науке условным продуктом «соглашения», «договоренности» можно считать и теорию, включая базовые аксиомы и постулаты (и их в первую очередь, так как они не доказываются, но принимаются за точку отсчета в производных от них построениях), и язык описания, и понятия, и методы, и способы анализа и обработки данных, и модели экспериментов, и используемые шкалы, единицы измерения, системы эмпирических индикаторов и т. д., и т. п. Хотя конвенции эти не обязательно явные, многие из них принимаются как само собой разумеющиеся, используются по устоявшейся традиции в научном сообществе, т. е. некоторые свои, особенно «философски не очевидные», когнитивные предпосылки наука не осознает и не «проговаривает». Научное мышление, оперирующее элементами мироздания, всегда осуществляет определенный отбор и сортировку фактов, поэтому важно понимать, как совершаются процессы обработки информации в сознании ученого. Общим местом в методологии науки XX столетия становится признание так называемой «теоретической нагруженности наблюдений». В определенных кругах сегодня модным становится высказывание, что «на свете вообще нет ничего, кроме теорий». И это означает, что те или иные «теории», представляющие собой явные или латентные «способы интерпретации» опыта, уже вмонтированы в факты и не подлежат полному элиминированию. Устранение такой умышленной или неумышленной «теоретической» фокусировки было бы тождественно погружению мира во тьму.

Конвенционалистский взгляд на характер и содержание труда ученых вовсе не посягал на «когнитивный порядок» царства науки, он лишь переопределил источник этого порядка — сместив его ближе к субъекту научного знания. Ведь конвенции (эксплицитные или имплицитные) суть правила, которые «в норме», «более

или менее» разделяются всеми претендующими на участие в когнитивной игре. И если в первой половине и середине XX века философия науки размышляла по преимуществу о логико-языковых аспектах конструирования научной картины (точнее, картин) мира¹⁰, то позднее, с появлением постпозитивистских концепций (теория научных парадигм Т. Куна и др.) и «социологии научного знания» (Д. Блур и др.) актуализируется дискуссия о культурно-исторических факторах и социальных механизмах названных процессов (Кун, 2015; Летов, 2011; Bloog, 1998; Блур, 2002; Моркина, 2012)¹¹.

За «спиной» у любой научной конвенции, как и вообще любой устойчивой и повторяющейся когнитивной и поведенческой практики, стоят авторитет и сила сообщества, а следовательно, для ее поддержания и воспроизводства во времени используются все типичные рычаги социальной регуляции и регламентации, включая заботу коллектива об интернализации доминирующих паттернов, поощрение конформизма, негативное санкционирование девиаций, хотя бы частичную рутинизацию и ритуализацию некоторых компонентов в структурах мышления и деятельности и т. п. Знания, в том числе знания научные, как и ценности, верования, мнения, убеждения, т. е. все то, что Э. Дюркгейм называл «коллективными представлениями», всегда циркулируют в том или ином, широком или узком сообществе, являясь до известной степени *социально принудительными* (в полном соответствии с классическим дюркгеймовским определением «социального факта»).

Культурный релятивизм, при всей безапелляционности многих его содержательных утверждений, также внес немалый вклад в продвижение тезиса о плюрализме миров, производимых сознанием человека в длительной перспективе цивилизационного развития. В этом смысле О. Шпенглер с его эпатазирующим «сколько существует культур, столько существует математик, физик и т. д.» фактически реализует тот самый подход, который впоследствии в методологии науки получит известность как «принцип несоизмеримости» (Шпенглер, 1993).

Но даже если вопрос о несоизмеримости различных путей и результатов конструирования миров (в пределах ли одной культуры в разных регионах опыта, или же в разных культурах) может и должен оставаться открытым, сама его постановка свидетельствует: человеческие знания обладают в значительной степени автономной, самопорождающей логикой, проливают собственный свет и отбрасывают собственные причудливые тени на то «мутно-расплывчатое полотно неопределен-

10. Подход К. Айдукевича в данном отношении вполне показателен. Он, по справедливому замечанию В. Н. Поруса, «предпочел остановиться на полпути в ревизии теории научной рациональности, не рискуя оставить надежную почву логической семантики и методологической прагматики ради скользких троп социологического, социально-психологического или историко-научного подходов к этой теории» (Порус, 1996: 267). А между тем «скользкие тропы» со временем превратились в настоящее «многополосное шоссе».

11. Ср.: как констатирует Д. Блур (Bloog, 1993), «„то, что в языке и логике является ограничениями, есть ограничения, наложенные на нас другими людьми“... Социальная группа, строящая собственную картину мира, по Блuru, достигает одновременно как цели построения такой картины, так и целей социального регулирования» (Моркина, 2012: 151).

ной текстуры», которое мы привыкли в просторечии называть «объективной реальностью». Подобная констатация как бы сама собой располагает к приостановке разговоров о «реальности» и продолжению разговоров о знаниях.

Вместе с тем ясно, что наука как специфическое «средство производства» образов мироздания представляет собой лишь «частный случай». Можно показать, как по другим законам жанра мира производят искусство, религия, практическое сознание и т. д. С искусством это было бы даже проще сделать, ведь оно, в общем, и не оспаривает того, что создает иные миры, прибегая к помощи конструктивной силы творческого воображения (или даже порой утверждает, что это является его основной задачей).

Однако в любом случае ни о какой анархии или абсолютной произвольности в делах когнитивного миропроизводства говорить не приходится, так как из процессов конструирования реальности (в каких бы сферах опыта оно ни совершалось) могут быть выявлены, экстрагированы определенные «правила и нормы», независимо от того, осознаются ли они как таковые самими «строителями миров» или нет. О природе, источниках и происхождении, статусе и механизмах действия данных правил разные дисциплины могут рассуждать по-разному (Bloor, 2002; Волков, Хархордин, 2008: 84–102; Подвойский, 2016а). Лингвистика и семиотика и примыкающие к ним направления философии (особенно англо-американской) будут настаивать на значимости языковых структур, организующих ментальный и когнитивный опыт субъекта (см., напр.: Searle, 1997). Биологи будут говорить о роли нервной системы как программного центра управления психикой и поведением, психологи — об устройстве перцептивного аппарата и интеллекта как средств обработки информации, совершаемой отдельно взятым индивидом на разных стадиях онтогенеза, а социологи — о социальных условиях и контексте процессов миропроизводства, так как последние фактически всегда протекают в обществе и имеют выраженный коллективный характер. Перечисленные аналитические перспективы по существу не противоречат друг другу, но находятся в отношениях потенциальной взаимодополняемости. Правда, к сожалению, создание комплексной и интегральной концептуализации¹² указанных процессов в современной ситуации дисциплинарных размежеваний и предельной научной специализации было бы, вероятно, «малопопулярным делом».

Инструментальная сумка сознания и ее содержимое

Остановимся теперь на некоторых значимых трансдисциплинарных особенностях конструктивистских теорий и формулируемых в их рамках представлений о том, как работают знания и сознание в мире человеческого опыта.

Примечательно, что в теориях подобного рода сам концепт «знания» употребляется предельно широко. «Живые системы — это когнитивные системы,

12. Концептуализации, которая принимала бы во внимание приблизительно в равной мере все обозначенные аспекты и «устраивала бы всех».

а жизнь как процесс представляет собой процесс познания» (Матурана, 1995). С этим высказыванием Умберто Матураны согласились бы и сторонники философской и биологической ветвей эволюционной эпистемологии, и идеологи «радикального конструктивизма» Э. Глазерсфельд и П. Вацлавик (см., напр.: Watzlawick, 2011), и психологи-когнитивисты (Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Дж. Келли), и социологи феноменологической ориентации, идущие по пути, проложенному А. Шюцем, П. Бергером и Т. Лукманом, и корифеи прагматизма У. Джемс и Дж. Дьюи. Понятие познания будет включать в себя при таком расширительном подходе кроме рационально-дискурсивного также чувственно-перцептивный уровень, как и любую деятельность организма, направленную на «субъективный мониторинг» среды и выстраивание отношений с ней.

Как учил Дж. Г. Мид, механизм человеческого познания в качестве предпосылки действия аналитически укладывается в промежуток, отделяющий «стимул» от «реакции» (Мид, 2009). При этом четкое решение вопроса, стоит ли за словами «среда», «окружение» и т. п. какая-то «объективная реальность» либо мы можем редуцировать таковую к потоку или набору неких «возмущений», улавливаемых организмом и определяемых как «внешние» сигналы, — не столь принципиально. Важно, что «знания» живой системы позволяют ей более или менее¹³ «эффективно» действовать, приспособляться к тому, что принято называть «условиями существования», или же приспособлять, «подгонять» их по возможности к своим нуждам, запросам и наклонностям, или — и то, и другое.

Старая дилемма — возникают ли знания из (чувственного) опыта (эмпиризм, сенсуализм) или предшествуют ему (априоризм, рационализм), над которой гносеология билась многие столетия, скорее всего должна быть отодвинута, так как однозначно правого в этом ветхом споре нет. По-видимому, вопрос просто не стоило ставить ребром (или/или). Знания от опыта «просто так» отделить нельзя. Знания не существуют без их содержательного наполнения, поскольку они всегда суть «знания о», предполагают собственный предмет, имеющий обычно то или иное отношение к опытному миру (свойство интенциональности сознания, зафиксированное Гуссерлем). Но и опыт оказывается всегда уже так или иначе «преобразованным», «проинтерпретированным», «освоенным» познающим субъектом, т. е. всякий опыт есть обязательно *чей-то* опыт («факты можно увидеть только глазами наблюдателей») (Келли, 2000: 48). В фактических когнитивных ситуациях, которые только и стоит объяснять, знания и опыт всегда даны вместе, подразумевают наличие друг друга. Если же знания конституируются в ситуациях столкновения, контакта субъекта с опытными данными, то вполне достаточным было бы выяснение того, *как работает* сознание, оперирующее фрагментами собственного внутреннего и внешнего опыта.

Чем радикальней конструктивистская установка теоретика, тем большее внимание в объяснительной модели уделяется собственно структурам «познаватель-

13. «Более или менее» значит — не обязательно идеально, но хотя бы минимально приемлемо для поддержания жизни.

ной» активности. Показательный пример здесь — концепция аутопойетических систем У. Матураны и Ф. Варелы (Матурана, 1995; Матурана, Варела, 2001; Варела, Матурана, Урибе, 2000; Варела, 2000). Самореферентная живая система не столько конструирует мир, сколько конструирует в первую очередь *саму себя*, а через это и свой специфический способ отношения к миру, среде, окружению. «Организация и структура живой системы (включая и ее нервную систему) определяют в ней некую «точку зрения», уклон или установку, в перспективе которой она взаимодействует, определяя в любое мгновение возможные отношения, доступные ее нервной системе» (Матурана, 1995). Для системы существует лишь тот мир, который доступен ее когнитивно-перцептивному аппарату. У системы с иным внутренним устройством этот мир будет отличаться, вернее, она будет жить в другом, *своем* мире. В логике данной теории система, лишенная определенных каналов контакта с реальностью, могла бы, наверное, «заявить» (если бы знала, чего она лишена, и при этом еще умела бы говорить): «и зря вы меня пытаете (огнем или льдом...), я все равно ни жары, ни холода не чувствую».

Любимый эвристический пример Матураны: сравнение организма с пилотом самолета или капитаном подводной лодки, который успешно решает поставленные перед ним задачи: осуществляет навигацию, садится или всплывает, где нужно, лишь следуя показаниям приборов, без непосредственного контакта со средой за бортом. Наша «внутренне детерминированная», эволюционно сформированная сенсорика — это наш перископ, наше полузапотевшее окно в мир. А наши образцы мышления и деятельности — переключатели скоростей, рычаги, кнопки панели управления, помогающие хоть как-то совладать с темнотой и хаосом реальности.

В когнитивистских теориях XX века традиционное философское различие чувств и разума было фактически преодолено, так как и восприятие, и мышление стали рассматриваться как этапы одного и того же процесса освоения предметного мира, причем не отделенные друг от друга жесткой перегородкой, но плавно переходящие друг в друга. По Пиаже, интеллект, осуществляющий высшие мыслительные функции, вырастает из сенсомоторных и перцептивных способностей, но перерастает их, надстраиваясь над ними. Если считать процессы субъективной мироориентации также процессами конструирования реальности, то можно утверждать, что подобное конструирование осуществляется *как чувствами, так и разумом*. И хотя закономерности этих фаз и стадий конструирования очевидно различаются, они, по-видимому, имеют и ряд важных сходств — и мышление, и память, и восприятие, и установка «работают по схеме», как «фильтры», они селективны, осуществляют отбор и сортировку когнитивного материала. Распознавание объектов в их типичности, их идентификация и удержание в памяти, внимание к одним и невнимание к другим, отождествление, различение и сравнение, классификация, специфическая фокусировка одних аспектов и сторон действительности и игнорирование прочих, операции установления причинно-следственных связей между явлениями, обобщение и анализ, многочисленные логические

операции — все это звенья одной цепи, состоящей из разных процедур, помогающих людям делать их миры пригодными для обитания.

Предварительное представление об «универсальных», «формальных» принципах (правилах) работы сознания дают когнитивистские психологические теории, например, вполне сопоставимые между собой концепции Джерома Брунера и Джорджа Келли. То, что Брунер описывает как процесс *категоризации*, Келли определяет при помощи ключевого термина «*личностного конструкта*». Конструкты и осуществляемая ими категоризация служат простейшими инструментами когнитивного производства миров.

Как сознание борется с одолевающим его ежесекундно хаосом, привносимым в жизнь необработанными данными опыта? Естественной установкой адаптивной стратегии организма, и не только человеческого, является «стремление к минимизации неожиданности происходящего» (Брунер, 1977: 58–59). Мы хотим, чтобы мир был предсказуемым, а наши рецепты действий работали успешно. Но что для этого нужно? Нужно, чтобы в нем «содержались» (вернее, выделялись восприятием и сознанием) черты порядка, постоянства и повторяемости.

Всякое «восприятие предполагает акт категоризации», утверждает Брунер. Человек «осуществляет отбор, отнесение воспринимаемого объекта к определенной категории, в отличие от иных категорий» (например, «этот предмет круглый, шероховатый на ощупь, оранжевого цвета и такой-то величины — следовательно, это апельсин; дайте-ка я проверю остальные свойства для большей уверенности») (Там же: 13–14). Все события в конечном счете уникальны и неповторимы, но в таком виде с ними сложно было бы иметь дело: «Если бы какое-нибудь восприятие оказалось не включенным в систему категорий, то есть свободным от отнесения к какой-либо категории, оно было бы обречено оставаться недоступной жемужиной, жар-птицей, погребенной в безмолвии индивидуального опыта» (Там же: 16). Категоризация предполагает идентификацию простых и сложносоставных элементов реальности, т. е. «независимо от характера задачи, стоящей перед индивидом, он (или его нервная система) приходит к решению, что воспринимаемый объект есть та, а не иная вещь окружающего мира» (Там же: 29). Когда объект распознан, идентифицирован как «такой-то и такой-то», он оказывается «подписан», маркирован и занимает свое место на когнитивной карте.

По Келли, упорядочивание элементов опыта осуществляется благодаря структурам, именуемым личностными конструктами: «Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает... Однако без таких шаблонов мир предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности [или же, наоборот, бесконечной разнородности. — Д. П.], что он не в состоянии извлечь из него никакого смысла. Для любого человека даже плохая пригонка своих шаблонов к реальности¹⁴ полезнее их полного отсутствия» (Келли, 2000: 18).

14. С точки зрения Келли, в конечном счете именно конструкты «подгоняются» под мир, а не наоборот (и это утверждение становится своего рода «ограничителем» уровня радикализма его конструктивистской аргументации). Келли, правда, признает существование «недостаточно гибких»

Конструкты как «способы истолкования мира» используются индивидами для предсказания будущих событий.

При этом Келли постоянно указывает на принципиальное сходство когнитивных практик простых людей и ученых¹⁵ (при интересе прежде всего к первым): «Как ученый, человек пытается предсказывать и тем самым контролировать ход событий», «...наши антиципации повседневных событий, хотя им и недостает научной точности, все же окружают нашу жизнь аурой смысла. Поскольку жизнь не похожа на сплошной каприз, мы подготовлены нашими личными системами истолкования к тому, чтобы каждый день успешно справляться с новым опытом» (Там же: 30). Здесь, вероятно, следовало бы также добавить, перевертывая формулировку, что жизнь именно потому и не похожа на каприз, что перед нашими конструктами стоит задача приемлемым образом справляться с новым опытом, а сделать это можно лишь при помощи упорядочивающих реальность ментально-перцептивных схем, вернее, благодаря их естественному (обычно латентному) функционированию.

Как осуществляются предсказания? Позиция Келли на сей счет такова:

Конкретный человек антиципирует события путем истолкования их повторений... Истолкование — это способ видения событий, который заставляет их выглядеть регулярными... Очевидный признак регулярности — повторение, но, разумеется, не простое повторение идентичных событий... а повторение некоторой характерной особенности, которую можно абстрагировать из каждого события и пронести неповрежденной во времени и пространстве. Истолковывать — значит слышать шепот повторяемых тем в событиях... Благодаря самому процессу идентифицирования события как чего-то повторяемого мы подразумеваем, что оно может произойти вновь. Или, точнее, мы предполагаем, что его повторяемые качества могут вполне появиться вновь в другом событии. (Там же: 70, 102, 157)

Поскольку «взятые конкретно, новые события неповторимы», «только абстрагируя их, человек обнаруживает то, что в них повторяется» (Там же: 99).

Откуда берутся конструкты, как они образуются, «происходят из наблюдений за повторяющимися паттернами событий»? (Первин, Джон, 2001: 397). Если и так,

конструктов, которые подминают под себя реальность и мешают человеку жить. Собственно, на «размягчение» подобных субъективных ментально-поведенческих структур и была направлена психотерапевтическая модель конструктивного альтернативизма. Человек, по Келли, не должен становиться рабом собственных застарелых и плохо работающих конструктов, хотя в реальности, следует признать, он очень часто таковым является. И это неудивительно, ведь, как отмечает сам Келли, по сути, любая действующая «система истолкования устанавливает пределы возможностям восприятия и понимания. Конструкты каждого человека являются регуляторами-ограничителями его перспективы» (Келли, 2000: 168). Хотя «мы вольны познавательно конструировать события, но наши интерпретации связывают нас по рукам и ногам» (Первин, Джон, 2001: 380).

15. Думается, данное сравнение можно было бы проводить в обе стороны: верно не только то, что *просто люди* в своих познавательных устремлениях *похожи на ученых*, но и то, что ученые в их стратегиях мироориентации воспроизводят когнитивные модели, отчасти сходные с теми, которые используются на уровне повседневности обычными людьми.

то все же речь не идет о случайном и ненаправленном «индуктивном» выводе закономерностей протекания событий из бескрайнего многообразия впечатлений. Этому должна предшествовать сама возможность ментального и логического оперирования данными опыта, заключенная в структурах человеческого сознания и актуализирующаяся в процессе психического созревания и умственного развития индивида. Иными словами, выводы из опыта, наивные или не очень, может делать лишь интеллектуально активное существо, обладающее способностью к его упорядочивающей когнитивной организации.

Объект подводится под *тип*, и при этом определенная, ограниченная совокупность его качеств выступает как типобразующая. Некоторые свойства предмета (одушевленного или нет), события или ситуации принимаются как существенные для решения задач категоризации, а прочие — отбрасываются как нерелевантные. Так, не всякий небольшой оранжевый шарик, как в брунеровском примере, будет признан апельсином. Апельсин не следует путать с мандарином (потому что тот обычно меньше и иной на вкус), лимоном (который желтый, продолговатый и гораздо кислее), ярким теннисным мячиком (скорее всего, несъедобным). В то же время отличающийся по цвету мякоти «сицилийский» апельсин будет квалифицирован именно в указанной родовой категории, как и те фрукты (в особом, но схватываемом «компетентным» наблюдателем смысле), в которых обитают принцессы Линетта, Николетта и Нинетта («Любовь к трем апельсинам» Гоцци—Прокофьева). И из всего этого должен следовать какой-то прагматически ценный вывод: те объекты, которые мы называем апельсинами, обычно пригодны для таких-то и таких-то действий (выжимания соков, изготовления цукатов, освобождения принцесс, ведения *battaglia delle arance* или праздничных «апельсиновых битв» (если Вы оказались в Пьемонте в период карнавала)... и т. п.), и не пригодны — для других (использования в качестве наживки для рыбной ловли, чистки светлой одежды... и т. п.), к ним можно предъявлять такие-то ожидания, а иные, по-видимому, не стоит.

Типологизирующее абстрагирование играет здесь первостепенную роль. Брунер формулирует важный вопрос: «При каких условиях организм усваивает (кодирует) объекты столь обобщенным способом, что обеспечивает максимальную приложимость приобретенного знания к новым ситуациям?» (Брунер, 1977: 222). И отвечает на него: «Процесс нахождения обобщенного характера данной ситуации, облегчающий подход ко всем подобным ситуациям, которые возникают в дальнейшем, и позволяющий находить их решения без утомительных поисков способов усвоения заново каждой ситуации, основан, по существу, на способности к выделению определяющих признаков того класса событий, к которому данная ситуация относится» (Там же: 233).

При этом важнейшим инструментом типологического абстрагирования как способа когнитивной ориентации субъекта является язык, точнее, способность к мышлению в языковых формах. На роль языка как средства понятийной маркировки и аналитической обработки данных перцептивного и интеллектуального

опыта указывал, в частности, Л. С. Выготский. Конкретно-образное (внеязыковое) мышление плохо приспособлено для решения задач типологизации. Обобщения «живут» только в понятиях и при помощи понятий. Без языка невозможна или как минимум затруднительна трансляция опыта внутри отдельного сознания и, разумеется, его сохранение и передача другим.

Недостаток образной, конкретной формы мышления с биологической точки зрения заключается в том, что решение конкретной единичной задачи относится только к данной наличной ситуации; мы не имеем здесь возможности сделать обобщение, раз решенная задача не является уравнением, которое позволило бы перенести результат решения на всякую задачу с другими объектами... То, что ребенок называет отдельные предметы, имеет величайшее значение... [Он] начинает расчленять бессвязную массу впечатлений, которые слились в один клубок... выделяет, расчленяет глыбу синкретических впечатлений, которую нужно расчленить для того, чтобы между отдельными частями установить какую-то... связь. Не мысля словами, ребенок видит целую картину, и мы имеем основание предположить, что он видит жизненную ситуацию глобально, синкретически... Слово, которое отрывает один предмет от другого, является единственным средством для выделения и расчленения синкретической связи. (Выготский, 2005: 486)

Таким образом, благодаря языковым, «номинарующим» средствам фиксации компонентов опыта, человек населяет свой мир «названными», «обозначенными», «подписанными» объектами, совокупность которых принимает вид относительно упорядоченного, внутренне классифицированного множества, состоящего из людей и «не-людей», «грешников» и «праведников», соотечественников и иностранцев, собак и кошек, берез и елок, пальм и кактусов, вещей «полезных» и «вредных»... типических событий, ситуаций, случаев, определенным образом поименованных, а значит — аналитически «опознанных» и в этой их «опознанности» наделяемых определенными эмпирически (и прагматически) значимыми свойствами и качествами.

В традиции мысли, восходящей к Локку и Юму, процессы обработки практическим сознанием опытных данных, включая и механизмы чувственного восприятия, выступали как важная тема и предмет, достойный теоретизирования. И шла ли речь о роли «привычки» и «веры в регулярность событий» как средств организации опыта (как полагали британские сенсуалисты и их последователи), или же — об априорной настроенности разума на усмотрение порядка в природе и формирование внутренне структурированных образов мироздания (как думали континентальные философы), в обоих случаях сама идея активного когнитивного конструирования субъектом картин реальности была налицо.

Если фрагменты опыта идентифицируются, категоризируются и типологизируются, если работают идеализации «и так далее», и «я могу это снова» (Э. Гуссерль, А. Шюц), транслирующие прошлый опыт в будущее, поток жизни приобретает черты размеренности, прогнозируемости, правило- и законосообразности.

Когнитивное освоение мира является предпосылкой для выстраивания стратегий практического действия («в похожей ситуации я уже находился, с людьми такого сорта я уже имел дело... я поступил тогда так-то, и это, помнится, плохо закончилось — учтем!»; или: «я тогда повел себя так-то — улыбнулся, нахамил, промолчал, дал взятку, поцеловал, пригрозил, что подам в суд... и это имело успех, значит, стоит повторить — может, опять повезет...»¹⁶).

В универсуме *повторяющихся* тем, сюжетов и мотивов можно ориентироваться.

Уильям Джемс, — отмечает Брунер, — довольно живописно описал этот процесс, заметив, что познавательная деятельность начинается с того момента, как индивид способен воскликнуть: «Ага! Опять этот, как бишь его?!» [т. е. вот опять эта вещь или предмет, апельсин... и т. д., или про человека — он опять делает то же, что и раньше, возьмем на заметку, т. е. события повторяются. — Д. П.]. Приспособительное значение этой способности к группировке на основе общего признака, без сомнения, огромно. Если бы на каждое событие нам приходилось реагировать особым образом и каждый раз заново учиться, что с ним делать и даже как его называть, то мы вскоре захлебнулись бы в бескрайнем море нашего окружения. (Брунер, 1977: 213)

Действующее, работающее сознание постоянно вбрасывает в мир определенные гипотезы, заключающие в себя эксплицитные и имплицитные ожидания того, что события в будущем, ближайшем или отдаленном, будут развиваться определенным образом (более или менее как в прошлом, в сходных ситуациях). Гипотеза есть «весьма обобщенное состояние готовности и избирательной реакции на те или иные классы событий окружающей среды... Воспринимающий организм определенным образом настроен на воспринимаемое. Мы предполагаем, что установка при восприятии никогда не бывает случайной, произвольной, что мы, напротив, всегда в какой-то степени подготовлены к тому, чтобы видеть, слышать, чувствовать какой-то запах или вкус определенных вещей или классов вещей» (Брунер, 1977: 84–85, 86). Если гипотеза систематически не подтверждается, возникают условия для ее пересмотра и модификации¹⁷ (хотя подобные изменения совершаются не с неизбежностью, поскольку многие когнитивные гипотезы обла-

16. Разумеется, подобного рода мыслительные ходы не обязательно раскручиваются (бывают представлены) в сознании актора в явном виде, в режиме внутреннего диалога.

17. Оптимизм Келли и Брунера в отношении способности человека к позитивной психологической самореконструкции, включающей умение и готовность учиться на собственных (и чужих) ошибках и извлекать полезные уроки из дурного опыта, инспирированный, вероятно, хотя бы отчасти самим духом американской культуры, кажется слишком обнадеживающим, чтобы быть чистой правдой: «Последовательность событий во времени непрерывно подвергает систему истолкования процессу проверки на правильность. Истолкования, накладываемые человеком на события, представляют собой рабочие гипотезы, которым предстоит пройти испытание опытом. По мере того как его антиципации или гипотезы проверяются и пересматриваются друг за другом в свете развертывающейся последовательности событий, система истолкования претерпевает прогрессивное изменение. Человек перестраивается» (Келли, 2000: 97). Между тем нередко приходится наблюдать как раз обратное: реализацию в действии удивительной склонности индивида «наступать на одни и те же грабли» (т. е. не-

дают значительной долей инерционности, как бы «прикипая к мозгам»). Если гипотеза подтверждалась в прошлом неоднократно, демонстрируя тем самым свою эффективность, ее можно считать «сильной» — и от этой гипотезы или конструкта индивиду будет не так-то просто отказаться (даже в свете новых жизненных обстоятельств)...

Насколько обозначенные простейшие механизмы когнитивной обработки данных опыта можно считать «универсальными», «общечеловеческими»? Ответ психологов выглядит скорее утвердительным¹⁸, с той важной оговоркой — если речь идет именно и только лишь об элементах «формально-процедурной логики» конструирования устойчивых картин реальности в сознании, т. е. о том, как осуществляется деятельность сознания, а не о том, *что конкретно* в результате всего этого получается (у разных людей, разных возрастов и уровней интеллектуального развития, представителей разных социальных групп и культур). Восприятие как бы ближе к биологии, а мышление — ближе к культуре. Глаз у разных людей, при прочих равных условиях, «в норме», *работает одинаково, а видит разное*. Брунер выражается на сей счет достаточно определенно: «...носители разных культур различаются не перцептивными сигналами, которые они способны воспринимать, а теми выводами, которые они бессознательно делают на основе этих сигналов... при наличии комплекса входных сигналов принципы отбора изменяются от культуры к культуре», и добавляет (в пику крайним релятивистам и глашатаям принципа несоизмеримости): «...совсем исключается, по-видимому, возможность того, чтобы разные культуры порождали совершенно различные и несопоставимые типы мышления...» (Брунер, 1977: 323, 354–355).

Двумя важнейшими разрядами детерминант, формирующими «культурозависимые» различия в процессах мышления, являются, согласно Брунеру, ценностные и языковые факторы. Например, богатство цветовой гаммы, доступной человеческому зрению (и в этом смысле универсальной), носители разных языков сортируют при помощи разных словесных маркеров и группировок, более или менее детализированных, — так лингвистические различия влияют на структурирование потока мировосприятия в красках. К этому прибавляется и воздействие ценностей: символика радужного флага одинаково небезразлична для ЛГБТ-активиста и индейца Южной Америки, хотя и отсылает их к разным культурным мирам, вызывает разные идеи, чувства и ассоциации... Но ценности и язык суть факторы общественного происхождения — индивидуальное сознание их самостоятельно не продуцирует.

Теоретические и экспериментальные изыскания психологов когнитивистской школы хорошо стыкуются с некоторыми версиями микросоциологии зна-

гативный опыт и его «рационально-критическая» или «эмоциональная» оценка сами по себе, автоматически не приводят к переписыванию плохо работающей когнитивно-поведенческой программы).

18. В целом психология как дисциплина в своем взгляде на сознание традиционно демонстрировала более универсалистский подход — в сравнении, скажем, с культурной антропологией, отчасти тяготевавшей к релятивизму и акцентировавшей внимание, скорее, на различиях в протекании ментальных процессов у представителей конкретных народов, племен, этнических сообществ.

ния и практического действия, в первую очередь феноменологического или интеракционистского толка. Психология познавательных процессов, интеллекта и восприятия имеет дело де-факто с эмпирическим человеческим сознанием, не изолированным и не выращенным в пробирке, т. е. с психической жизнью как социально фундированной структурой. Законы и алгоритмы, в соответствии с которыми работает мышление, теоретическое или обыденное, имеют социальный генезис и социальную среду бытования. «Сама логика не является... только системой независимых операций: она воплощается в совокупности состояний сознания, интеллектуальных чувств и поведений с такими характеристиками, социальную природу которых трудно оспаривать, независимо от того, первична она или производна. Если рассматривать логику под этим углом зрения, то очевидно, что ее содержание составляют общие правила или нормы: она является моралью мысли, внушенной и санкционированной другими» (Пиаже, 1969: 217). При такой фокусировке исследовательской оптики дверь в царство человеческого мышления для социологии оказывается широко открытой.

Общество — артель по строительству миров

Социология на протяжении всей своей истории — в той мере, в какой она претендовала на изучение форм коллективного сознания и/или коллективно детерминированных форм индивидуального сознания — явно или неявно тяготела к обрисованной выше перспективе мысли¹⁹. Это происходило даже тогда, когда сам статус «объективной» реальности, в том числе реальности общества, складывающейся из фактических отношений между людьми (социально-структурных связей, власти, собственности и т. д.), не подвергался сомнению. Для социологов, работавших в широкой конструктивистской стилистике, основная задача заключалась в стремлении выявить «специфически социальные» условия и предпосылки процессов «создания миров» в различных сферах человеческого опыта. При этом субъектом такого конструирования полагался *уже не индивид, а коллектив/ группа* как автономный творец «универсума», подчиняющий себе и направляющий все частные, партикулярные и индивидуальные способы и стратегии «мироопределения» (в дюркгеймианской традиции²⁰), *либо — индивиды*, находящиеся в состоянии перманентных интерактивных и коммуникационных обменов, разворачивающихся на (квази)онтологической площадке совместного опыта и аксиоматически фундированных признанием или верой в существование «общего мира»,

19. «Мало-мальски репрезентативный» обзор многообразных версий конструктивистских концепций, оформившихся в разных дисциплинах, порой без прямого взаимного влияния, как и более прицельная характеристика специфически социологических импликаций рассматриваемой здесь общей темы, не входили в задачи настоящей статьи. Некоторые сюжеты и подходы, намеренно оставленные здесь без внимания, были затронуты автором в: Подвойский, 2015.

20. За условную точку отсчета здесь можно было бы принять хрестоматийный для социологии знания текст «О некоторых первобытных формах классификации» (1902/1903) (Дюркгейм, Мосс, 2011). Хотя самого термина «социология знания» тогда еще не существовало.

разделяемого с Другими (в социологических модификациях методологического индивидуализма, в социальной феноменологии, символическом интеракционизме и родственных им идейных направлениях) (Thomason, 1985; Подвойский, 2016б).

Перед социологией (со)знания как особой субдисциплиной или специфическим исследовательским подходом вырисовывалось по меньшей мере²¹ два круга проблем. Первый — это выявление социально-групповой обусловленности и вариативности систем «коллективных представлений», и в частности «картин мира», производимых индивидами как членами определенных больших и малых сообществ (семьи, профессии, этноса, конфессии, нации, цивилизации и т. д.). Иными словами, речь шла о попытке дать логически непротиворечивый и эмпирически обоснованный ответ на вопрос: почему *разные категории* людей думают *по-разному*, одни так, а другие — по-иному, и *что именно* и *как* они думают, а также... выражают свои мысли, говорят, чувствуют, *когда* и *о чем* молчат и т. д. Под *различиями* и *сходствами* людей в данном случае понимались не различия/сходства психотипов, темпераментов и прочих сугубо психологических характеристик, но различия и сходства, производные от координат акторов в социальном пространстве, особенностей социально форматированных биографических ситуаций индивидов, влияющих на их жизненную позицию, убеждения, ценностные ориентации, предпочтения, вкусы и т. п.

Второй круг проблем, попадавший в поле интереса социологии знания и максимально приближавший ее к традиционно философскому дискурсу, предполагал аналитическое описание *общих принципов организации опыта* «познающего» и «сознающего себя» субъекта (не трансцендентального, но эмпирического, т. е. как носителя «обыденного сознания», «простого человека с улицы»). Эти, казалось бы, чисто эпистемологические проблемы требовали включения социологической оптики, поскольку большинству крупных мыслителей XX века, развивавших классическую линию философии познания, стало ясно, что опыт когнитивного и практического отношения человека к миру носит принципиально «интерсубъективный» характер и конституируется, среди прочего, понятием Другого (Гуссерль, 1998; Хайдеггер, 2011; Рикёр, 2008; Шюц, 2004; Баньковская, 2007; Подвойский, 2016б). В рамках собственно социологии данная тенденция достигает апогея, приобретая в то же время особую дидактическую четкость звучания в «Социальном конструировании реальности» П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995).

Достоинством «больших», или «синтетических», социологических концепций «конструктивистского или полуконструктивистского толка» (Бергер, Лукман, Бурдье, Гидденс) является то, что они стремятся, по возможности, выйти за пределы односторонних, радикально-идеалистических интерпретаций процессов коллек-

21. На самом деле их гораздо больше. Так, значительный интерес представляют перспективы социологической «де/ре-конструкции» (не в негативном значении этого термина) обыденных и научных представлений о «естественном», в которых при ближайшем рассмотрении оказывается немало «искусственного», или, иначе говоря, компонентов, имеющих выраженное социокультурное и социально-историческое происхождение (Столярова, 2012).

тивного сотворения миров. Диалектическая «петля», условно примиряющая конструктивизм и реализм/объективизм, выступает средством снятия противоречия, заключенного в оппозиционной диаде «субъект (агентность) — структура». Субъекты создают структурно организованные миры, а те в свою очередь воздействуют на субъектов (причем эти процессы накладываются друг на друга в реальном времени и могут быть разделены лишь аналитически)²².

Социальное конструирование реальности является инструментом институционального морфогенеза, средством производства и воспроизводства общества как совокупности «кристаллизованных», «объективированных», и в ряде случаев «реифицированных», форм межчеловеческих отношений (всегда так или иначе, в большей или меньшей степени опосредованных деятельностью сознания акторов). Отталкиваясь от известной «теоремы Томаса» (если люди определяют ситуацию как реальную, она становится реальной по своим последствиям), можно было бы продолжить: *коллективное определение* реальности, структурированное неким набором явных и латентных норм и правил разного происхождения, являющееся одновременно внешним и внутренним «фоном» для сознания индивидов и их поступков, становится частью *самой* реальности, порождая далеко идущие последствия, экстернализируясь в культуре и институтах. Коллективно разделяемый «образ реальности» (реальность *для нас*) трудно или почти не отличим от реальности *как таковой*. Картина мира, проецируемая вовне «по комбинированным законам биологии/психологии/лингвистики/социологии... etc.», выступает тем единственным миром, в котором человеку приходится жить, страдать, радоваться, думать, мечтать, надеяться, разочаровываться, действовать...

Вид на мир из окна становится похож на «гигантские, объемные, раздвижные, многослойные художественные обои», искусно наклеенные безымянным строителем на внешнюю сторону оконного стекла — картинкой вовнутрь комнаты. Отдельные люди могут то и дело, кое-где (в конкретных местах), по собственному почину — подклеивать обойные листы, за которыми скрывается пугающая пустота и темнота, «подрисовывать», частично менять или обновлять картинки для обеспечения большей эстетической привлекательности пейзажа. Но полностью переклеить или вовсе содрать холст «с нарисованным очагом» они не в состоянии. Любопытный Буратино, вознамерившийся проткнуть своим носом все слои декорации разом — если бы такое даже было возможно, — не увидел бы за пределами этой «онтологической» или «квазионтологической» многослойности ничего примечательного. Он не нашел бы там ничего, кроме пресловутой «вещи в себе», которая едва ли может кого-то сильно впечатлить. Получается, что большинство значимых событий, способных заинтересовать человека, разворачивается в самом пространстве комнаты — естественно/искусственной зоне его свободы/заточения, образующей внутренне/внешнюю «среду» его привычного обитания.

22. См. подробнее в: Подвойский, 2016а, 2016в.

Творцы реальности оказываются в заложниках у собственного коллективного детища, но при этом, в основной своей массе, не сильно жалуются на судьбу. Спрашивается, почему. Ответ прост: потому что «иного не дано», а условия, созданные в помещении, являются пригодными для существования.

Литература

- Айдукевич К. (1996). Картина мира и понятийный аппарат / Пер. с нем. В. Н. Поруса // *Философия науки*. Вып. 2: Гносеологические и методологические проблемы. М.: ИФ РАН. С. 231–253.
- Баньковская С. П. (2007). Другой как элементарное понятие социальной онтологии // *Социологическое обозрение*. Т. 6. № 1. С. 75–87.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.
- Блур Д. (2002). Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова // *Логос*. № 5/6 (35). С. 1–24.
- Брунер Дж. (1977). Психология познания: за пределами непосредственной информации / Пер. с англ. К. И. Бабицкого. М.: Прогресс.
- Варела Ф. (2000). Автономность и аутопоэз // *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма: традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München: PHREN Verlag. С. 245–258.
- Варела Ф., Матурана У., Урибе Р. (2000). Аутопоэз как способ организации живых систем: его характеристика и моделирование // *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München: PHREN Verlag. С. 234–244.
- Вебер М. (1990). Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. П. П. Гайденко // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–735.
- Волков В. В., Хархордин О. В. (2008). Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Выготский Л. С. (2005). Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо.
- Витгенштейн Л. (2010). Философские исследования. М.: АСТ, Астрель.
- Гудмен Н. (2001). Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис.
- Гуссерль Э. (1998). Картезианские размышления / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука.
- Здравомыслова Е., Лукман Т. (2002). Интервью с профессором Томасом Лукманом // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 5. № 4. С. 5–14.
- Дюркгейм Э., Мосс М. (2011). О некоторых первобытных формах классификации: к исследованию коллективных представлений // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: КДУ. С. 55–124.
- Карнап Р. (1959). Значение и необходимость / Пер. с англ. Н. В. Воробьева под ред. Д. А. Бочвара. М.: Изд-во иностранной литературы.

- Кассирер Э.* (2001). *Философия символических форм. Т. 1: Язык* / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М., СПб.: Университетская книга.
- Келли Дж.* (2000). *Теория личности: психология личных конструктов* / Пер. с англ. А. А. Андреева. СПб.: Речь.
- Коркюф Ф.* (2002). *Новые социологии* / Пер. с франц. Е. Д. Вознесенской и М. В. Федоровой. СПб.: Алетейя.
- Кун Т.* (2015). *Структура научных революций*. М.: АСТ.
- Латур Б.* (2006). *Надежды конструктивизма* / Пер. с англ. О. Столяровой // *Вахштайн В. С.* (ред.). *Социология вещей*. М.: Территория будущего. С. 365–389.
- Летов О. В.* (2011). *Проблема объективности в науке: от постпозитивизма к социальным исследованиям науки и техники*. М.: ИНИОН РАН.
- Матурана У.* (1995). *Биология познания* / Пер. с англ. Ю. М. Мешенина. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%Do%9C/maturana-umberto/biologiya-roznaniya> (дата доступа: 27.06.2017).
- Матурана У., Варела Ф.* (2001). *Древо познания: биологические корни человеческого понимания* / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция.
- Мид Дж. Г.* (2009). *Философия акта* // *Мид Дж. Г. Избранное* / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН. С. 219–289.
- Моркина Ю. С.* (2012). *Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл*. М.: Канон+.
- Первин Л., Джон О.* (2001). *Психология личности: теория и исследования* / Пер. с англ. М. С. Жамкочьян под ред. В. С. Магуна. М.: Аспект-Пресс.
- Пиаже Ж.* (1969). *Психология интеллекта* / Пер. с франц. А. М. Пятигорского и Л. С. Ильинской // *Пиаже Ж. Избранные психологические труды*. М.: Просвещение. С. 55–231.
- Подвойский Д. Г.* (2015). «Этот мир придуман не нами»? О роли знаний в конструировании реальности (классики и современники) // *Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Катерный И. В.* (ред.). *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция. С. 65–95.
- Подвойский Д. Г.* (2016а). *Генезис «нормативных порядков» общества и оппозиция «субъект — структура»: от человека к институтам и обратно* // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. № 3. С. 465–482.
- Подвойский Д. Г.* (2016б). *Мир повседневности и «аксиомы» практического сознания: социально-теоретические пролегомены* // *Эпистемология и философия науки*. Т. 49. № 3. С. 178–197.
- Подвойский Д. Г.* (2016в). *Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности* // *Социологические исследования*. № 11. С. 15–25.
- Порус В. Н.* (1996). «Радикальный конвенционализм» К. Айдукевича и его место в дискуссиях о научной рациональности // *Философия науки*. Вып. 2: Гносеологические и методологические проблемы. М.: ИФ РАН. С. 254–270.
- Пуанкаре А.* (1990). *О науке*. М.: Наука.

- Рикёр П.* (2008). Я-сам как другой / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитарной литературы.
- Риккерт Г.* (1997). Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука.
- Риккерт Г.* (1998). Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика.
- Столярова О. Е.* (ред.). (2012). Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Дело.
- Фейерабенд П.* (1986). Против методологического принуждения: очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова // *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс. С. 125–466.
- Хайдеггер М.* (2011). Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академический проект.
- Шпенглер О.* (1993). Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: Наука.
- Шюц А.* (2004). Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН.
- Ajdukiewicz K.* (1978). *The Scientific World-Perspective and Other Essays, 1931–1963.* Dordrecht: Reidel.
- Bloor D.* (1993). *Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge.* New York: Columbia University Press.
- Bloor D.* (1998). *Knowledge and Social Imagery.* Chicago: University of Chicago Press.
- Bloor D.* (2002). *Wittgenstein, Rules and Institutions.* London: Routledge.
- Burr V.* (2003). *An Introduction to Social Constructionism.* London: Routledge.
- Hacking I.* (2003). *The Social Construction of What?* Cambridge: Harvard University Press.
- Lock A., Strong T.* (2010). *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice.* New York: Cambridge University Press.
- Searle J. R.* (1997). *The Construction of Social Reality.* London: Free Press.
- Thomason B. C.* (1985). *Making Sense of Reification: Alfred Schutz and Constructionist Theory.* London: MacMillan.
- Watzlawick P.* (ed.). (2011). *The Invented Reality: How Do We Know What We Believe We Know? Contributions to Constructivism.* New York: W. W. Norton.

Knowledge and Consciousness as a “World-Constructing” Tool: A Multidisciplinary Perspective

Denis Podvoyskiy

PhD, associate professor, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia
Leading research fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Address: Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation 117198
E-mail: dpodvoiski@yandex.ru

The topic of knowledge and consciousness is multidisciplinary. In the human sciences, it has been studied by various scientific and intellectual communities. The sciences of philosophy, sociology, psychology, biology, and language and communication have offered (sometimes independently of each other) numerous perspectives on this wide topic while sharing many similarities. Constructivism can be considered as an umbrella term that includes a number of subject-centered theories that give a precise, paradigmatically-shaped answer to the question about the functions of knowledge and consciousness, and their perception of their world. From the constructivist perspective, subjective instrumentarium of knowledge and consciousness helps individuals in both their construction and cognitive and practical exploration of natural and social universes (or “multiple worlds of experience”). In this study, an attempt is made to analyze the theoretical prerequisites and the genesis of constructivism as a specific multidisciplinary approach in the social sciences and the humanities. This approach conceptualizes the idea that individual and/or collective consciousness plays an active role in the formation of the everyday and scientific pictures of the world shaping the actions of social actors. Successive and distinctive features of certain constructivist concepts are presented as well as the degree of their ideological relationships, and the isomorphism and potential convertibility is revealed. Particular attention is paid to the constructivist motives of a number of popular philosophic and scientific theories of the 20th century, including neo-Kantianism; conventionalism in the philosophy and methodology of science; N. Goodman's pluralistic concept of “worldmaking”; H. Maturana and F. Varela's theory of autopoiesis, in which a system is capable of reproducing and maintaining itself; cognitive psychology including G. Kelly's personal construct theory; and J. Bruner's categorization theory.

Keywords: constructivism, “world-making”, epistemology, “subject-centered philosophies”, neo-Kantianism, conventionalism, cognitive psychology, processes of categorization, sociology of knowledge

References

- Ajdkiewicz K. (1978) *The Scientific World-Perspective and Other Essays, 1931–1963*, Dordrecht: Reidel.
- Ajdkiewicz K. (1996) Kartina mira i ponjatijnyj apparat [World-Perspective and the Conceptual Apparatus]. *Filosofija nauki, tom 2: gnoseologicheskie i metodologicheskie problemy* [The Philosophy of Science, Vol. 2: Epistemological and Methodological Problems], Moscow: IF RAN, pp. 231–253.
- Bankovskaya S. (2007) Drugoy kak elementarnoe ponyatie sotsial'noy ontologii [The Other as an Elementary Notion of Social Ontology]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 1, pp. 75–87.
- Berger P. L., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium.
- Bloor D. (1993) *Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge*, New York: Columbia University Press.
- Bloor D. (1998) *Knowledge and Social Imagery*, Chicago: University of Chicago Press.
- Bloor D. (2002) *Wittgenstein, Rules and Institutions*, London: Routledge.
- Bloor D. (2002) Sil'naya programma v sociologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Logos*, no 5/6, pp. 1–24.
- Bruner J. (1977) *Psihologiya poznaniya: za predelami neposredstvennoj informacii* [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing], Moscow: Progress.
- Burr V. (2003) *An Introduction to Social Constructionism*, London: Routledge.
- Carnap R. (1959) *Znachenie i neobhodimost'* [Meaning and Necessity], Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury.
- Cassirer E. (2001) *Filosofiya simvolicheskikh form, Tom 1* [Philosophy of Symbolic Forms, Vol. 1], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Corcuff Ph. (2002) *Novye sociologii* [New Sociologies], Saint Petersburg: Aleteya.
- Durkheim E., Mauss M. (2011) O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikacii: k issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy [Primitive Classification]. Mauss M., *Obshchestvo. Obmen. Lichnost': trudy po social'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology], Moscow: KDU, pp. 55–124.

- Feyerabend P. (1986) Protiv metodologicheskogo prinuzhdenija: ocherk anarhistskoj teorii poznaniya [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science], Moscow: Progress, pp. 125–466.
- Goodman N. (2001) *Sposoby sozdaniya mirov* [Ways of Worldmaking], Moscow: Idea-Press, Logos, Praksis.
- Hacking I. (2003) *The Social Construction of What?*, Cambridge: Harvard University Press.
- Heidegger M. (2011) *Bytie i vremya* [Being and Time], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Husserl E. (1998) *Kartezianskie razmyshlenija* [Cartesian Meditations], Saint Petersburg: Nauka.
- Kelly G. (2000) *Teoriya lichnosti: psihologija lichnyh konstruktov* [A Theory of Personality: The Psychology of Personal Constructs], Saint Petersburg: Rech.
- Kuhn Th. S. (2015) *Struktura nauchnyh revoljucij* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow: AST.
- Latour B. (2006) Nadezhdy konstruktivizma [The Promises of Constructivism]. *Sociologija veshhej* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshayn), Moscow: Territoria budushchego, pp. 365–389.
- Letov O. (2011) *Problema ob'ektivnosti v nauke: ot postpozitivizma k social'nyim issledovaniyam nauki i tehniki* [The Problem of Objectivity in Science: From Postpositivism to Social Studies of Science and Technology], Moscow: INION.
- Lock A., Strong T. (2010) *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice*, New York: Cambridge University Press.
- Maturana H. (1995) *Biologija poznaniya* [Biology of Cognition]. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%Do%9C/maturana-umberto/biologiya-poznaniya> (accessed 27 June 2017).
- Maturana H., Varela F. (2001) *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding], Moscow: Progress-Traditsiya.
- Mead G. H. (2009) *Filosofija akta* [The Philosophy of the Act]. *Izbrannoe* [Selected Works], Moscow: INION, pp. 219–289.
- Morkina Y. (2012) *Social'naja teoriya poznaniya D. Blura: istoki i filosofskij smysl* [Social Epistemology of David Bloor: Origins and Philosophical Meaning], Moscow: Kanon+.
- Pervin L., John O. (2001) *Psihologija lichnosti: teoriya i issledovaniya* [Personality: Theory and Research], Moscow: Aspekt-Press.
- Piaget J. (1969) *Psihologija intellekta* [The Psychology of Intelligence]. *Izbrannye psihologicheskie trudy* [Selected Psychological Works], Moscow: Prosveshhenie, pp. 55–231.
- Podvoyskiy D. (2015) "Jetot mir pridumano ne name"? O roli znanij v konstruirovanii real'nosti (klassiki i sovremenniki) ["The World Was Invented before Us, Wasn't It?": The Role of Knowledge in the Construction of Reality (Classic and Contemporary Studies)]. *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshhestve: vzaimovlijaniya i rekonfiguracii* [Ordinary and Scientific Social Knowledge: Interconnections and Reconfigurations] (eds. I. Deviatko, R. Abramov, I. Katerny), Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 65–95.
- Podvoyskiy D. (2016) *Genezis "normativnyh porjadkov" obshhestva i oppozicija "sub'ekt — struktura": ot cheloveka k institutam i obratno* [Normative Social Morphogenesis and the Agency–Structure Opposition: From Individual to Institutions and Back]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series "Sociology"*, no 3, pp. 465–482.
- Podvoyskiy D. (2016) *Mir povsednevnosti i "aksiomy" prakticheskogo soznaniya: social'no-teoreticheskie prolegomeny* [The World of Everyday Life and "Axioms" of Practical Consciousness: Social Theoretical Prolegomena]. *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. 49, no 3, pp. 178–197.
- Podvoyskiy D. (2016) *Chelovek v mire institutov: o logike i mehanizmah social'nogo konstruirovaniya real'nosti* [Man in the World of Institutions: On Logics and Mechanisms of Social Construction of Reality]. *Sociological Studies*, no 11, pp. 15–25.
- Poincaré H. (1990) *O nauke* [On Science], Moscow: Nauka.
- Porus V. (1996) "Radikal'nyj konvencionalizm" K. Ajdukevicha i ego mesto v diskussijah o nauchnoj racional'nosti [K. Ajdukiewicz's "Radical Conventionalism" and Its Place in Discussions about Scientific Rationality]. *Filosofija nauki, Tom 2: Gnoseologicheskie i metodologicheskie problemy*

- [The Philosophy of Science, Vol. 2: Epistemological and Methodological Problems], Moscow: IF RAN, pp. 254–270.
- Rickert H. (1997) *Granicy estestvennonauchnogo obrazovanija ponjatij: Logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki* [The Limits of Concept Formation in Natural Science], Saint Petersburg: Nauka.
- Rickert H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science and History: A Critique of Positivist Epistemology], Moscow: Respublika.
- Ricœur P. (2008) *Ja-sam kak drugoj* [Oneself as Another], Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury.
- Schutz A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetjashhijja smyslom* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Searle J. R. (1997) *The Construction of Social Reality*, London: Free Press.
- Spengler O. (1993) *Zakat Evropy, Tom 1* [The Decline of the West, Vol. 1], Novosibirsk: Nauka.
- Stolyarova O. (ed.) (2012) *Ontologii artefaktov: vzaimodejstvie "estestvennyh" i "iskusstvennyh" komponentov zhiznennogo mira* [Ontologies of Artefacts: Interrelations between "Natural" and "Artificial" Components of the Lifeworld], Moscow: Delo.
- Thomason B. C. (1985) *Making Sense of Reification: Alfred Schutz and Constructionist Theory*, London: Macmillan.
- Varela F. (2000) *Autonomnost' i autopojez* [Autonomy and Autopoiesis]. Tsokolov S., *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma: tradicii skeptიცizma v sovremennoj filosofii i teorii poznanija* [The Discourse of Radical Constructivism: A Tradition of Skepticism in Contemporary Philosophy and Theory of Knowledge], Munich: PHREN, pp. 245–258.
- Varela F., Maturana H., Uribe R. (2000) *Autopojez kak sposob organizacii zhivyh sistem: ego charakteristika i modelirovanie* [Autopoiesis: The Organisation of Living Systems, Its Characterization and a Model]. Tsokolov S., *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma: tradicii skeptიცizma v sovremennoj filosofii i teorii poznanija* [The Discourse of Radical Constructivism: A Tradition of Skepticism in Contemporary Philosophy and Theory of Knowledge], Munich: PHREN, pp. 234–244.
- Volkov V., Kharkhordin O. (2008) *Teorija praktik* [Theory of Practices], Saint Petersburg: EU SPb.
- Vygotsky L. (2005) *Psihologija razvitija cheloveka* [Psychology of Human Development], Moscow: Smysl, Eksmo.
- Watzlawick P. (ed.) (2011) *The Invented Reality: How Do We Know What We Believe We Know?: Contributions to Constructivism*, New York: W.W. Norton.
- Weber M. (1990) *Nauka kak prizvanie i professija* [Science as a Vocation]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 707–735.
- Wittgenstein L. (2010) *Filosofskie issledovanija* [Philosophical Investigations], Moscow: AST, Astrel.
- Zdravomyslova E., Luckmann Th. (2002) *Interv'ju s professorom Tomasom Lukmanom* [Interview with Professor Thomas Luckmann]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 5, no 4, pp. 5–14.